

А. А. Пухов,
аспирант Белорусского государственного университета
(г. Минск, Республика Беларусь)

УДК 343.347.2 (470) '19'

РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕГО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДЕЯНИЯ, СОПРЯЖЁННЫЕ С ТРАНСМИССИЕЙ ЗАРАЗНЫХ БОЛЕЗНЕЙ ЖИВОТНЫХ (XIX в.)

Вопросы уголовно-правовой оценки трансмиссии заразных болезней животных на протяжении долгого периода времени не получали достойного освещения в научной литературе. Вместе с тем экстенсивное развитие новейших технологий, мутагенные процессы, негативное воздействие внешней среды в значительной степени модифицировали известные науке возбудители заразных болезней животных. Очевидно, что самостоятельно ветеринарная наука уже не способна справиться с вновь появляющимися вызовами биологической опасности. В этой связи, чрезвычайно важной представляется роль современного уголовного права как необходимого средства в сфере борьбы с распространением заразных болезней животных. Разработка адекватной и эффективной системы уголовно-правовых норм возможна только лишь с помощью изучения законодательного опыта прошлых поколений в данной сфере.

Ключевые слова: уголовное право, уголовная ответственность, история уголовного права, распространение заразных болезней животных, эпизоотия.

Охрана здоровья и экономического благосостояния населения в контексте ветеринарного благополучия является одной из непреходящих задач любого государства на протяжении всей мировой истории. Обеспечить реализацию этой задачи было возможным только посредством противодействия распространению заразных болезней животных путём криминализации соответствующих общественно опасных деяний. Общественная опасность трансмиссии заразных болезней животных заключается, прежде всего, в создании угрозы причинения ущерба как жизни и здоровью конкретного лица, так и скоту, который рассматривался с позиции гражданско-правового института частной собственности. В силу этих обстоятельств общественные отношения в данной сфере были поставлены российским дореволюционным законодателем непосредственно под охрану уголовного закона.

На наш взгляд, в правовых актах Российской империи XIX века центральное место занимают Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в редакциях 1866 и 1885 гг.) (далее — Уложение 1885 г.) и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. (далее — Устав 1864 г.).

Стоит заметить, что непосредственно Уложение в ред. 1845 г. является первым формально обособленным кодифицированным актом уголовного законодательства в Российской империи. Структурно оно подразделялось на разделы, главы и отделения. В контексте проводимого исследования наш интерес обращен к Главе 1 «О преступлениях и проступках против постановлений, ограждающих народное

здравие» Раздела 8 «О преступлениях и проступках против общественного устройства и благочиния» Уложения 1885 г., которая содержала 7 отделений.

Дореволюционный законодатель отводил особое место вопросам регламентации карантинных и иных ограничительных мероприятий в сфере борьбы с заразными болезнями, в том числе животных, посвятив ему отделение первое «О нарушении уставов карантинных». Под термином «карантин» следовало понимать санитарные учреждения на границах государства, областей или округов, в которых люди на известное время задерживались и подвергались наблюдению с целью достигнуть отделения действительных или предполагаемых больных от здоровых; вещи же, которые следовали с людьми, или же транспортируемые товары досматривались и согласно установленным правилам, либо уничтожались, либо обеззараживались и допускались внутрь страны [1, с. 450]; время задержки для этих мероприятий [2, с. 223].

Анализируемый структурный элемент Уложения 1885 г. содержал наибольшее, по сравнению с иными отделениями этой главы, количество уголовно-правовых запретов. По нашему мнению, использование упомянутого законодательного решения наиболее ярко иллюстрирует практическую реализацию описанной В. В. Есиповым «предупредительной функции» [3, с. 305–308] уголовного закона. Значительно рациональнее предупредить широкое распространение заразных болезней животных путём применения карантинных и иных ограничительных мероприятий, нежели позже локализовывать очаги эпидемии или эпизоотии.

Вместе с тем полагаем возможным солидаризироваться и с мнением С. С. Власенко [4, с. 14], который писал, что Уложение 1885 г. «содержит довольно обширную и весьма запутанную систему норм об ответственности за нарушение карантинных правил, местами имеющих казуистичный характер». Другой характерной чертой преступлений против «уставов карантинных» Уложения 1885 г. следует считать возможность широкого применения смертной казни за нарушение данных уголовно-правовых запретов. Это свидетельствует о стабильном понимании чрезвычайно высокой степени общественной опасности, присущей преступлениям против «уставов карантинных».

Так, смертной казни и лишению «всех прав состояния» за деяния, связанные с заразными болезнями животных, следует подвергать любого: «... кто в самом карантине, или карантинной черте, или месте, оцепленном во время существования чумы, окажутся виновными в выходе или выпуске людей или скота из карантинной черты или оцепленного места» (ст. 832); за то же деяние, но совершённое «чиновником, стражником и служителем» (ст. 833); «за подделку документа или употребление заведомо поддельного, хотя бы он был подделан и другим, а равно и за употребление истинного, но чужого документа, с намерением сократить карантинные обряды или совсем оных избежать» (ст. 834); «кто, избегая карантинного очищения, тайно пройдёт каким бы то ни было образом мимо карантинных и карантинной стражи и вследствие того вступит сам, или же проведёт или провезёт людей, животных или вещи, очищению подлежащие, без оного, в места благополучные, если он или корабль или транспорт его вышли из мест, где свирепствует чума» (п. 1 ст. 835).

В свою очередь, в соответствии со ст.ст. 836, 841, 844, 852 различного рода наказаниям вплоть до смертной казни подлежал любой, кто каким-либо образом завладеет, скроет или иным образом будет взаимодействовать с заражёнными вещами или товарами либо «не донесёт об этом ближайшему карантинному начальству».

Достаточно широкая группа норм, предусмотренных ст.ст. 847–850 Уложения 1885 г., регламентировала вопросы уголовной ответственности должностных лиц («чиновников или служителей карантинных», «чиновников местной полиции») за нарушение карантинных правил.

Помимо этого, «все маловажные нарушения карантинных правил, учиненных в то время, когда в карантинной черте или оцепленном месте не было ни заражённых, ни подверженных очищению судов, вещей, людей и *животных*» (ст. 842) тоже подлежали уголовному преследованию.

Вопросы соучастия «в преступлениях против уставов карантинных» разрешались по правилам ст. 843 — «наказывались наравне с содежавшими преступление».

Уголовная ответственность непосредственно за распространение заразных болезней была регламентирована нормами отделения второго «О нарушении постановлений против распространения повальных и прилипчивых болезней» Главы 1 Раздела 8 Уложения 1885 года. Всего в этом отделении насчитывалось 5 уголовно-правовых запретов.

К слову, в Проекте Уложения 1845 г. в пояснении к указанным статьям отмечалось, что «эти запреты были заимствованы из некоторых лучших иностранных законодательств». Особенным образом подчёркивалось, что «необходимость ввести в действо положительные и лучшие правила на случаи сего рода доказывается не одним умозрением, а едва ли не ежедневным опытом» [5, с. 352].

В дополнение к этому, анализируемые нормы содержались и в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 года (ст.ст. 102, 1021 главы 9 «О проступках против народного здравия»). По своей юридической природе, данные уголовно-правовые запреты первоначально содержались в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1845 года. В дальнейшем в контексте судебной реформы 1864 г. было принято решение о выделении уголовной ответственности за относительно мелкие уголовные правонарушения, именовавшиеся маловажными проступками [6, с. 34], в самостоятельный законодательный акт. Из этого можно заключить, что ст.ст. 1029, 1030, 1031, 1034, 1035 Уложения в редакции 1845 г. были преобразованы в ст.ст. 102, 1021 главы 9 «О проступках против народного здравия» Устава 1864 года. Данными нормами предусматривалась ответственность за несоблюдение предписанных законом или законным постановлением власти:

1) общих мер предосторожности против распространения прилипчивых и повальных болезней;

2) обязанности своевременно доносить о появлении таких болезней.

Виновные могли быть подвергнуты как денежному штрафу, так и аресту не свыше 3 месяцев.

Для адекватной трактовки указанных норм, в первую очередь, необходимо определиться с содержательным наполнением термина «повальная и прилипчивая болезнь», который подразумевался русским дореволюционным законодателем.

Под повальными болезнями понимались любые инфекционные болезни и эпидемии, причём сюда же относились повальные болезни домашних животных [7, с. 955]. К числу инфекционных болезней причисляли дифтерию, сап, перелой, инфлюэнзу, сифилис, оспу, скарлатину, корь, сыпной тиф, собачье бешенство [8, с. 894–895]. Причём появление инфекционных болезней на большом количестве животных называлось эпизоотией, при ограничении известным районом — энзоотией, болезней повсеместно распространенных — панзоотией [9, с. 285]. Сам же термин «эпизоотия» толковался как громадное распространение какой-либо повально-заразительной болезни на скот [8, с. 903].

Прилипчивые болезни — это болезни передающиеся путём непосредственного соприкосновения больного со здоровым [9, с. 284]. По сути, речь идёт о таком свойстве болезней, как контагиозность (т.е. заразность).

Как явствует из приведённых определений, зачастую для идентификации инфекционных болезней людей и животных использовались тождественные термины.

Следовательно в русском дореволюционном законодательстве провести строгую дифференциацию уголовной ответственности за посягательства, связанные с трансмиссией конкретно человеческих болезней (антропонозы) и болезней животных, в том числе заразных для людей (зоонозы и зооантропонозы), не представляется возможным.

Таким образом, в соответствии со ст. 854 Уложения 1885 г. подлежит наказанию тот, «кто, зная, что он одержим заразительною или иною прилипчивую болезнью, с умыслом учинит что либо, должствующее неминуемо сообщить сию болезнь другому». Повышенная ответственность предусматривалась, если «последствием сего будет неизлечимое расстройство в здоровье или же самая смерть того, кому сообщена зараза». Отдельной нормой (ст. 855) регламентировалась ответственность женщины, которая заведомо зная о наличии у себя заразительной или вредной болезни и скрыв данный факт, устроится на работу в качестве кормилицы или няньки.

Нормы ст.ст. 857–858 криминализировали незаконные деяния специальных субъектов, обязанных непосредственно осуществлять борьбу с заразными болезнями. Во-первых, уголовному преследованию могли быть подвергнуты работники полиции, если, получив известие о появившейся в подведомственных им местах повальной или прилипчивой болезни, не примет предписанных законом мер для прекращения и против распространения оной и не донесёт о том надлежащему высшему начальству». Во-вторых, привлечению к уголовной ответственности подлежали «находящиеся на государственной службе врачи, которые не донесли немедленно местным медицинским начальствам о каждом дошедшем до них сведении появления повальной или прилипчивой болезни».

В свою очередь, общий запрет нарушения специальных правил содержала диспозиция ст. 858: «если во время свирепствования какой либо опасной эпидемической или прилипчивой болезни правительством приняты или предписаны и особые против распространения оной меры предосторожности, то нарушители правил, на сей случай установленных, подвергаются наказаниям, особо в тоже время от правительства определяемым».

Всего два уголовно-правовых запрета образовывали отделение четвёртое «О нарушении правил, установленных на случай скотских падежей» Главы 1 Раздела 8 Уложения 1885 года. Примечательно, что как отмечает Ф. Лист, схожие нормы были известны и уголовному законодательству некоторых европейских государств [10, с. 346–352].

Согласно диспозиции ст. 861 денежному взысканию подлежали «сельские начальники, а равно и члены полиции, которые, узнав о появившемся в местах, им подведомственных, скотских падежей, не донесут о том по принадлежности кому следует и не примут предписанных законом предохранительных мер». Причём члены полиции могли быть «удалены от должности» либо же производился вычет времени службы от одного до шести месяцев. В целом упоминание в качестве субъекта преступления «члена полиции» обусловлено тем, что на полицию были возложены функции по санитарному надзору [11, с. 8].

Несколько позже, была введена норма ст. 857¹, подвергающая уголовной репрессии только ветеринарных врачей за недонесение о «скотских падежах» [12, с. 78].

В свою очередь, наказание в виде лишения особых прав и преимуществ либо заключению в смиренном доме на время от 8 месяцев до 2 лет было предусмотрено за факт умышленного сообщения заразы чужому скоту (ст. 862 Уложения 1885 г.). Причём, как писал Л. С. Белогриц-Котляревский, «... сообщение заразы чужому скоту, вызывающее его падеж, есть деяние, весьма вредное для народной экономии, требующее наказания, независимого от того, были ли при этом заведомо нарушены виновным особые правила, изданные администрацией для предупреждения или искоренения заразы» [13, с. 560].

Отметим, что Уложение в редакции 1845 г. содержало большее количество норм, криминализирующие некоторые нарушения «конкретных» правил «на случай скотских падежей». К примеру, запрещалось «выквашивать в городе или селении или близ оных кожи, о коих есть подозрение, что они были сняты с зачумленного скота или будет при этом употреблять какую либо скотину, подвергая её чрез сие опасности заражения» (ст. 1052 Уложения в ред. 1845 г.), или наказывались «прогоняющие скот для продовольствия городов промышленники, которые, усмотрев между прогоняемою ими скотиною какую либо болезнь, не отделят больных от гурта и не известят о том местное полицейское начальство, а равно и те, которые падший во время прогона скота будут зарывать не в отдалённых от дороги местах» (ст. 1050 Уложения в ред. 1845 г.). Впоследствии приведенные запреты были заменены более универсальными нормами Устава 1864 года. Так, по Уставу 1864 г. наказанию подлежали виновные в несоблюдении предписанных законом или законным постановлением власти:

- 1) мер предосторожности против заразы домашних животных (ст. 112);
- 2) обязанности доносить о появлении заразы на домашних животных (ст. 1121).

В соответствии с нормой ст. 113 противозаконным являлось прогон скота без его осмотра, установленного законом или законным постановлением власти. В свою очередь, за нарушение правил убоя скота не иначе как в скотобойнях виновный подлежал ответственности по ст. 114 Устава 1864 г. Наказывались же эти деяния денежным штрафом либо арестом.

В дополнение можно отметить, что в Главе 4 «О проступках против общественного благоустройства» Устава 1864 г. содержались нормы, криминализирующие нарушения некоторых ветеринарно-санитарных правил содержания животных. Например, «за допущение скота: в водовместилища (ст. 522) или бродить по улицам, там, где это воспрещено» (ст. 55) либо «за своз палого скота не в назначенное для того место» (ст. 56).

Казуистичность и асистемность норм Уложения 1885 г. в рассматриваемой сфере подчёркивается тем, что в отделении втором «О истреблении и повреждении чужого имущества взрывом пороха, газа или иного удобовоспламеняющегося вещества, или же потоплением или иным образом» Главы 2 «О истреблении и повреждении чужого имущества» Раздела 12 «О преступлениях и проступках против собственности частных лиц», содержались ещё два состава преступления, связанных с трансмиссией заразных болезней. Согласно диспозиции ст. 1623 «кто нарочно и с умыслом сообщит заразительную болезнь чужому скоту или же употребит какое либо средство для отравления корма чужого скота, тот в случаях, если зараза или смертность от сего в самом деле распространилась» подлежал уголовному наказанию, аналогичному санкции ст. 862 Уложения 1885 года. Причём законодателем была предусмотрена дифференциация наказания «смотря по степени бывшей или угрожавшей от того опасности и по важности причинённого тем вреда». Так, в случаях, если «болезнь не распространилась», виновный подвергался менее строгому наказанию (арест от 3 недель до 3 месяцев). В целом, комментируя данную норму, А. Н. Лохвицкий писал, что «она темна» и диссонирует со ст. 1624 Уложения 1885 г. [14, с. 632].

Помимо этого санкцией нормы ст. 1624 предусматривалось наказание в виде заключения в смирительном доме от 2 до 4 месяцев, или ареста от 3 дней до 3 месяцев, или штрафа за «отравление с умыслом чужого скота, или других домашних животных, или же рыбы в прудах и реках».

Отличительная особенность перечисленных норм заключается в том, что в соответствии с нормой ст. 1625 и примечания к ней Уложения 1885 г. на виновных возлагалась обязанность по возмещению причиненных убытков, а также в случаях отсутствия опасности для окружающих уголовное преследование виновных лиц начиналось «не иначе как по жалобам понесших вред или убытки лиц».

Полагаем, что проведённый ретроспективный анализ норм в сфере противодействия распространению заразных болезней животных позволит нам использовать законодательный опыт многих поколений юристов при разработке современной системы уголовно-правовых запретов. Причём можно заключить, что в отличие от «массивного» правового регулирования в специализированных актах XIX в., действующий Уголовный кодекс Республики Беларусь содержит один единственный уголовно-правовой запрет: «нарушение ветеринарных правил» (ст. 284).

В заключение, отметим, что настоящее исследование позволило обнаружить следующие закономерности и существенные черты в развитии уголовного законодательства (XIX в.), регламентирующего ответственность за распространение заразных болезней животных:

1. Стабильное понимание законодателем высокой степени и характера общественной опасности трансмиссии заразных болезней как для животных, так и для человека.

2. Казуистичность и диссонирование уголовно-правовых запретов в актах периода формальной кодификации карательного законодательства (Уложение 1885 г.). Как следствие, невозможность констатации существования системы уголовно-правовых запретов в указанной сфере.

3. Тенденцию преобладания в кодифицированных актах Российской империи (Уложение 1885 г. и Устав 1864 г.) уголовно-правовых запретов, имеющих превентивный характер, в сфере нарушения:

а) карантинных правил;

б) норм, регламентирующих ветеринарно-санитарную охрану границ от заноса возбудителей заразных болезней животных.

4. Суровый характер видов и размеров наказаний за нарушение правил, опосредующих меры противодействия распространению заразных болезней животных, который обуславливался важностью охраняемых общественных отношений, составляющих объект данных составов преступлений.

Список использованных источников

1. *Брокгауз, Ф. А.* Энциклопедический словарь [Текст] : [в 86 т.] / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. — СПб., 1890–1907. — Т. 14. — СПб., 1895. — 480 с.
2. *Даль, В.* Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] : [в 4 т.] / В. Даль. — М.—СПб. : Изд. тов. М. О. Вольф, 1905. — Т. 2. — 2030 с.
3. *Есипов, В. В.* Очерк русского уголовного права: Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. Часть общая [Текст] / В. В. Есипов. — [2-е изд., пересмотр.]. — Варшава : типография Варшавского учебного округа, 1894. — 420 с.
4. *Власенко, С. С.* Уголовно-правовые аспекты противодействия распространению опасных инфекционных заболеваний человека [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Власенко Сергей Сергеевич. — Ростов-на-Дону, 2011. — 183 л.
5. Проект Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, внесенный в 1844 г. в государственный совет, с подробным означением оснований каждого из внесенных в сей проект постановлений» [Текст]. — СПб., 1871. — 875 с.
6. *Брокгауз, Ф. А.* Энциклопедический словарь [Текст] : [в 86 т.] / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. — СПб., 1890–1907. — Т. 35. — СПб., 1902. — 476 с.
7. *Брокгауз, Ф. А.* Энциклопедический словарь [Текст] : [в 86 т.] / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. — СПб., 1890–1907. — Т. 23а. — СПб., 1898. — 475–958 с.
8. *Брокгауз, Ф. А.* Энциклопедический словарь [Текст] : [в 86 т.] / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. — СПб., 1890–1907. — Т. 40а. — СПб., 1904. — 469–954 с.
9. *Брокгауз, Ф. А.* Энциклопедический словарь [Текст] : [в 86 т.] / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. — СПб., 1890–1907. — Т. 13. — СПб., 1894. — 480 с.
10. *Фон Лист, Ф.* Учебник уголовного права: Особенная часть: Разрешенный автором перевод с 12 и 13 переработанного издания [Текст] / Ф. Фон-Лист ; пер.: Ф. Ельяшевич. — М. : Т-во Тип. А. И. Мамонтова, 1905. — 409 с.

11. Дитянин, И. И. Статьи по истории русского права [Текст] / И. И. Дитянин. — СПб. : Изд-во О. Н. Поповой, 1895. — 632 с.
12. Свод законов Российской империи. Все 16 томов со всеми относящимися к ним предложениями в одной книге [Текст] ; под ред. А. Ф. Волкова, Ю. Д. Филипова. — [3-е изд., пересм. и доп.]. — СПб. : Общественная польза, 1900.
13. Белогриц-Котляревский, Л. С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части [Текст] / Л. С. Белогриц-Котляревский. — К. : Южно-рус. кн-во Ф. А. Иогансона, 1903. — 618 с.
14. Лохвицкий, А. Н. Курс русского уголовного права [Текст] / А. Н. Лохвицкий. — [2-е изд., испр. и доп. сведенное с кассацион. решениями]. — СПб. : Скоропечатня Ю. О. Шрейера, 1871. — 714 с.

Надійшла до редакції 09.12.2012

Пухов А. А. Розвиток кримінального законодавства Російської імперії, що передбачає відповідальність за діяння, пов'язані з трансмісією заразних хвороб тварин (XIX ст.)

Питання кримінально-правової оцінки трансмісії заразних хвороб тварин упродовж тривалого періоду часу не отримували гідного висвітлення у науковій літературі. У той же час екстенсивний розвиток новітніх технологій, мутагенні процеси, негативний вплив зовнішнього середовища значною мірою модифікували відомі науці збудники заразних хвороб тварин. Очевидно, що самостійно ветеринарна наука вже не здатна впоратися з новітніми викликами біологічної небезпеки. У зв'язку з цим, надзвичайно важливою є роль сучасного кримінального права як необхідного засобу у сфері боротьби з поширенням заразних хвороб тварин. Розробка адекватної та ефективної системи кримінально-правових норм можлива тільки за допомогою вивчення законодавчого досвіду минулих поколінь у цій сфері.

Ключові слова: кримінальне право, кримінальна відповідальність, історія кримінального права, поширення заразних хвороб тварин, епізоотія.

Puchov, A. A. The Development of Criminal Legislation of the Russian Empire, providing Liability for the Acts Integrated with the Spread of Infectious Diseases of Animals (XIX century)

The matters of legal definition of the transmission of the infectious diseases of animals in criminal law did not receive adequate presentation in scientific literature throughout the long period of time. At the same time, extensive development of the latest technologies, mutagen processes, negative impact of environment substantially modified causative agents of infectious diseases of animals known to sciences. It is obvious that veterinary science alone is not capable to cope with appearing calls of biological danger. In this context, the role of modern criminal law is extremely important in the sphere of combat against extension of the infectious diseases of animals. Thus, the development of the adequate and effective system of criminal rules of law is possible only through studying of legislative experience of last generations in this sphere.

Keywords: criminal law, criminal liability, history of criminal law, spread of infectious diseases of animals, epizooty.

